

Мужчина подошёл, опёрся о рояль и, смотря на Чжун Гуаньбай своими зелёными глазами, сказал нарочито низким и бархатистым голосом:

— Это «Les sons et les parfums tournent dans l'air du soir» Дебюсси. Прекрасно, не правда ли? Вы знаете, откуда взято это название?

Чжун Гуаньбай ответил:

— Из стихотворения Бодлера «Вечерняя гармония», третья строка.

— Позвольте представиться? — Мужчина с удивлением и восторгом протянул руку. — Лэнс, играю на скрипке.

Чжун Гуаньбай услышал фразу «играю на скрипке» и улыбнулся, покачав головой.

Лэнс подумал, что Чжун Гуаньбай ему не верит.

— О, сэр, — вернулся к своему месту, достал скрипку из футляра, — не хотите сыграть со мной дуэтом? Вы почувствуете, как прекрасна музыка, это сила искусства.

Чжун Гуаньбай кивнул в сторону Лу Цзаоцю, который наблюдал за ними издалека:

— Я всего лишь аккомпаниатор этого джентльмена. Он — лучший скрипач, которого я когда-либо видел.

Лэнс взглянул на Лу Цзаоцю и уверенно сказал:

— Может, я смогу с ним посоревноваться.

Чжун Гуаньбай рассмеялся:

— В чём?

Лэнс:

— Возможно, вы обнаружите, что вам больше подходит быть моим аккомпаниатором.

Чжун Гуаньбай покачал головой.

— Нет, это невозможно. Он мой парень.

Лэнс заинтересовался ещё больше. С тех пор как Чжун Гуаньбай приехал во Францию, он снова начал заниматься спортом, и его мышцы обрели форму. Солнце Южной Франции придало его коже лёгкий медовый оттенок, что выглядело очень привлекательно.

В отличие от Лу Цзаоцю, высокого и худощавого, с бледной кожей, Чжун Гуаньбай был более популярен среди европейцев. Лэнс намеренно поднял брови, скользнув взглядом по бёдрам и ногам Чжун Гуаньбая:

— Возможно, в других аспектах я тоже больше подхожу вам... Он слишком худой.

Чжун Гуаньбай, уже раздражённый, хотел уйти.

— Нет, мне нравятся только такие, как он.

Лэнс многозначительно сказал:

— Это потому, что вы не пробовали других.

Не дожидаясь ответа, он взял скрипку и направился к Лу Цзаоцю.

Лу Цзаоцю, худощавый азиат, в глазах Лэнса не представлял никакой угрозы. Он свысока сказал:

— Давай посоревнуемся. Кто выиграет, — Лэнс повернулся к Чжун Гуаньбаю и подмигнул, — тот получит этого красавца сегодня вечером.

Окружающие с интересом наблюдали за происходящим.

Хозяин ресторана, прислонившись к стойке, с улыбкой пожелал Лэнсу удачи.

Лэнс оглядел публику, довольный вниманием, и, держа смычок, спросил:

— Кто начнёт, ты или я?

Уровень музыканта можно определить по тому, как он обращается с инструментом.

Лу Цзаоцю встал, взглянул на скрипку Лэнса и спокойно сказал с парижским акцентом:

— Я не вижу причин играть.

Лэнс поднял бровь:

— Разве красавец — не лучшая причина?

— Конечно. Но, — Лу Цзаоцю усмехнулся, словно услышал неудачную шутку, — он и так мой.

— Возможно, после соревнования это изменится. — Лэнс намеренно закатал рукав, обнажив мускулистую руку, и, глядя на Чжун Гуаньбая, с намёком выпрямился. Его обтягивающие

брюки подчёркивали его достоинства.

Лу Цзаоцю бросил взгляд на нижнюю часть тела Лэнса, лицо его оставалось невозмутимым, но левая рука, спрятанная за спиной, сжалась в кулак, суставы побелели.

Лэнс изучал Лу Цзаоцю:

— Ты боишься?

Правая рука Лу Цзаоцю незаметно сжала второй сустав мизинца на левой руке. В его глазах сверкнул холодный свет:

— Давай.

Лу Цзаоцю всегда был сдержан и спокоен, никогда не обращал внимания на таких случайных людей. Чжун Гуаньбай не понимал, что случилось сегодня, почему Лу Цзаоцю решил бросить перчатку этому выскочке.

Лэнс великодушно предложил:

— Может, тебе начать первым?

Лу Цзаоцю спокойно ответил:

— Я уступаю тебе.

Чжун Гуаньбай быстро подошёл, встал рядом с Лу Цзаоцю и, чтобы разрядить обстановку, пошутил на французском:

— Джентльмены, дуэли во Франции уже не в моде, не так ли?

Затем он наклонился к Лу Цзаоцю и шепотом сказал:

— Лу Цзаоцю, давай домой, пойдём домой.

Лу Цзаоцю посмотрел на него:

— Подожди.

— Хелен, дорогая, это война за Трою. — Лэнс сияюще улыбнулся Чжун Гуаньбаю и сделал театральный поклон. — Хелен, дорогая, ты будешь моим аккомпаниатором?

Чжун Гуаньбай едва сдержал раздражение. Хелен, чёрт возьми, кто такая Хелен? Он, сдерживая улыбку, ответил:

— Отказываюсь.

— Тебе повезло, Хелен, дорогая, согласна аккомпанировать только тебе. — Лэнс сказал это Лу Цзаоцю. Затем он попросил девушку, которая играла на рояле, стать его аккомпаниатором. — «Фантазия Кармен», Ваксман.

Чжун Гуаньбай вздохнул. Ну конечно, Кармен, ещё одна история о женщине, ушедшей к другому мужчине.

Лэнс прикрыл глаза, с наслаждением наклонил голову влево, зажал скрипку подбородком и с размахом начал играть.

Партия фортепиано началась с музыки из оперной сцены с тореадором, мгновенно захватив внимание всех в зале.

Лэнс, закрыв глаза, одновременно с последним аккордом рояля резко поднял смычок, сыграв серию быстрых и чётких нот, левая рука двигалась с невероятной скоростью.

Чжун Гуаньбай слегка изменился в лице. Это был не просто выскочка.

Лу Цзаоцю оставался невозмутимым, его лицо не выражало никаких эмоций.

Скрипка явно превосходила аккомпанемент рояля, и хотя гармония была слегка нарушена, Лэнс не обращал на это внимания. Он был увлечён своей игрой, полностью погрузившись в музыку.

Когда он дошёл до финальной части, быстрой и энергичной, некоторые уже начали вставать, готовясь аплодировать.

Последний аккорд — короткий и резкий, как разрыв ткани.

Лэнс поднял смычок, с достоинством и страстью, словно приглашая аплодисменты. Его изумрудные глаза сверкали в тусклом свете ресторана, как настоящие драгоценности.

Он подошёл к Лу Цзаоцю под громкие аплодисменты и протянул смычок.

— Менелай, я забираю твою Хелен. — Лэнс сказал это с гордостью.

Лу Цзаоцю взял скрипку. Лэнс заметил на его пальцах едва различимые шрамы.

— Ты был ранен или перенёс операцию?

Лу Цзаоцю не ответил, поднял скрипку и начал настраивать.

— Эй, я не хочу обижать раненого. — Лэнс поднял бровь. — Не волнуйся, мой строй в порядке.

— Я доверяю только своим ушам. — Лу Цзаоцю, наклонив голову, посмотрел на Чжун Гуаньбая.

Чжун Гуаньбай кивнул, сел за рояль и сыграл эталонный звук.

Лу Цзаоцю закрыл глаза, слушая звук рояля, слегка подкрутил струну ля, затем сыграл двойной аккорд и настроил остальные струны, ориентируясь на ля.

Если бы не необходимость аккомпанемента на рояле, он мог бы просто сыграть эталонный ля, ориентируясь на свои уши и потребности произведения.

Лэнс с досадой взглянул на рояль.

Какая разница, насколько точно настроена его скрипка, если он забыл, что это обычный рояль в уличном ресторане, который наверняка имеет небольшое отклонение от стандартного строя 440 Гц. Его скрипка, настроенная на 440 Гц, с аккомпанементом этого рояля, конечно, звучала неверно.

А для ушей Лу Цзаоцю строй не имеет степеней точности. Строй либо правильный, либо неправильный.

Лэнс, глядя на уже настроившегося Лу Цзаоцю, понял, что совершил роковую ошибку.

<http://bllate.org/book/15543/1382820>